

Маня Бучкина – защитник Ленинграда

ПОМНИМ

Ровно 65 лет назад была полностью снята блокада Ленинграда. Ярославль во время войны принял множество детей из осаждённого города – у каждого из них своя блокадная история. Мария Сергеевна Петухова (Бучкина) из тех подростков, кто в страшную зиму 1941 – 1942 годов пришёл в цеха ленинградских предприятий и вместе со взрослыми трудился на оборону города.

«КАК СПАЛА? НЕ БОЯЛАСЬ?»

Родители её из-под Углича, в Ленинград приехали по вербовке, когда Мане было лет пять. Отец работал на стройках, жили в общежитии. Мама воспитывала детей. Их было пятеро: Иван, Андрей, Константин, Оля и самая последняя Маня, намного младше остальных, её все баловали.

Потом отец тяжело заболел, и родители с Маней (старшие уже жили отдельно) переехали на станцию Поповка, где их и застало объявление о войне. Очень скоро станцию стали бомбить, горели дома, ревели коровы. С запада через Поповку гнали от немцев скот. Погонщицы, молодые девушки, буквально падали с ног от усталости и Христом Богом просили местных женщин подоить коров, чтобы те не погибли.

Женщины ходили доить, в том числе мама.

С наступлением темноты горизонт загорался багровым заревом. Немцы были уже совсем близко, а вал самых разных слухов катился впереди них. Среди прочего говорили, что молодёжь вывозят в Германию. Услышав это, мама заметалась. Мане к тому времени исполнилось пятнадцать лет.

В один из таких дней приехал брат Иван и забрал Маню в Ленинград. На переполненном оружии и плачущими людьми перроне они всё-таки втиснулись в вагон последнего поезда, а ещё через несколько дней в Поповку вошли немцы, и мама с папой оказались в оккупации.

Ленинград встретил новой, незнакомой Мане суровостью. Заклеенные крест накрест окна, на каждом шагу проверка документов. Впрочем, их пропускали беспрепятственно: Иван слу-

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

жил при железной дороге начальником пожарной команды. Свою семью он вывез в самом начале войны в Ярославль, жил на казарменном положении, поэтому Маню решено было поселить у другого брата, Андрея.

Андрей работал крановщиком на «почтовом ящике» на Ржевке. Его жена Елена тоже работала, в семье двое маленьких детей и старая бабушка, так что Маню женщины встретили настороженно. Она старалась не быть в тягость: помогала, чем могла, каждый день, пока ходили трамваи, ездила отovarивать карточки на Невский – там удавалось иногда отovarиться лучше, чем у себя. Правда, бывало, попадала там под бомбёжку. Прятаться в бомбоубежище боялась: номер очереди был написан чернильным карандашом на руке, а всё равно страх потерять очередь пересиливал всё остальное.

Вечером вместе с другими девочками и мальчиками с их двора дежурила на крыше «по-

зажигалкам», сбрасывая во время налётов в ящик с песком кусочки раскалённого металла.

В декабре норма хлеба для иждивенцев и детей стала 125 граммов. Бабушка делила его на кусочки, стараясь, чтобы хоть на крошечку больше досталось внукам – одному девять лет, другой два года. А Мане иногда не оставалось ничего.

Андрей, когда появлялся дома, это видел и очень переживал. Ссылаясь на то, что их кормят на заводе, ещё раньше отдал свои хлебные карточки семье, но для Мани это ничего не меняло.

Однажды вечером Маню оставила на улице знакомая женщина. Сказала, что мама и папа живы. Позвала: «Пойдём ко мне ночевать». Накормила, уложила. Утром спрашивает: «Как ты спала? Не боялась?» Оказывается, на полу в той же комнате у неё уже не первые сутки лежит мёртвая – она жила здесь на квартире, умерла, а карточки на хлеб остались. Если сооб-

щить, карточки придётся сдать, а так никто ничего не узнает.

К СЕБЕ – НА ЗАВОД

Как жить дальше? Этот вопрос задавали себе все, и каждый отвечал на него по-своему. Когда Андрей в очередной выходной окинул взглядом своё семейство, жена Елена произнесла вслух то, что давно вертелось у неё на языке:

– Едок-то лишний.

Прибавила, что есть дом, где Маню готовы взять в люди. Но Андрей ответил решительным «нет» и пообещал устроить её к себе на завод. Он работал на нём ещё с довоенных времён, хорошо зарабатывал, ходил раньше в кожаном пальто, по словам мамы, как министр, и считался одним из лучших рабочих.

Сейчас, правда, кожаное пальто висело в шкафу, а ослабшему от недоедания Андрею завод на днях дал направление

в больницу. Тем не менее он упёрся, что не ляжет до тех пор, пока не устроит сестру, а это оказалось очень непросто. Мане до шестнадцати лет надо было ждать ещё почти год, её никак не хотели принимать, и то, что это ему удалось, – просто чудо. Вместо паспорта ей выписали свидетельство о рождении с фотографией (на снимке).

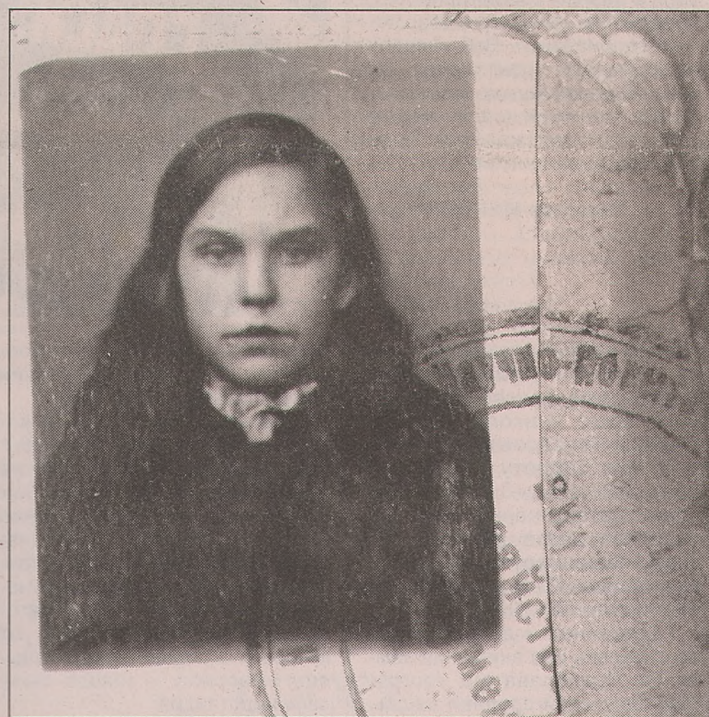
После того, как на заявление была наконец наложена самая важная виза, силы покинули Андрея окончательно. Он уже не смог, как намеревался, получить вместе с Маней рабочую карточку, посмотреть, где она будет работать, – всё это ей пришлось делать самой. Она пришла к нему в больницу и услышала последний наказ:

– Ты только карточку Елене отдавай, а то умрёшь с голоду.

Брат знал, что говорил. Елена с порога объявила:

– Раз так – выметайся.

(Окончание на 2-й стр.)

Маня Бучкина — защитник Ленинграда

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

ВОЕННАЯ ТАЙНА

Приютили соседи, потом дали общежитие. Оно представляло собой огромный корпус, построенный перед самой войной на дальнем краю завода для каких-то производственных нужд. Внизу громадные ворота, второй этаж без окон, стены покрыты инеем. Маню привели в помещение, где стояло примерно пятьдесят топчанов и по середине одна буржуйка. Места ближе к печке были, конечно же, заняты, Мане достался топчан у двери.

Так называемые «спальни» окружали пустые промёрзшие помещения. Их было так много, что однажды ночью Маня пошла в туалет и заблудилась. Она тыкалась среди измученных спящих людей в одну сторону, в другую, пока какая-то сердобольная душа её не вывела. Следуя из чужой «спальни» за своей спасительницей, Маня услышала сзади мрачную шутку: «Всё, девчонки, это к нам смерть приходила».

У неё не было с собой никаких вещей — ни тёплых, ни белья. Ещё в первые дни возвращения в Ленинград она попыталась пробраться к своему дому, откуда уехала с мамой и папой в Поповку. Но тот район между Варшавским и Балтийским вокзалами бомбили так, что в развалинах не оставалось ни тряпки — одна кирпичная пыль.

Невестка не разрешила взять с собой в общежитие ничего, даже валенки. Вечером

вчетвером. Перетаскивали с места на место какие-то неподъёмные ящики. Тянули куда-то высокие, тугие, промасленные рулоны — падали, а тянули.

— Мы знали, что работали для фронта, и всё. На погрузку готовой продукции нас и то не допускали — военная тайна.

Андрей умер в больнице через неделю после того, как Маня поступила на завод. Брат Иван вместе с двумя мужчинами вырыли ему могилу. Иван едва сам не остался в той же могиле: еле-еле выбрался отсюда от слабости.

По дороге с кладбища увидели, что дают вермишель. Карточки были у всех с собой — это незаурядное для блокадных дней событие немного сгладило тяжёлые минуты. Помянуть брата пришли в дом Андрея. Жена Елена отправилась за водой, а Иван предложил Мане:

— Давай так поедим. Сварит — ведь нам не даст.

Погрызли сухой вермишेलю, а Елена действительно им ничего не дала. Так и помянули Андрея одной водичкой.

«ЛАДНО, СОБИРАЙСЯ!»

Голод оставался самым тяжёлым испытанием и для тех, кто работал на заводе. Маня запомнила красивого мужчину, выступавшего у них в цехе на собрании. Он стоял на каком-то возвышении, говорил громко и чётко и вдруг рухнул вперёд навзничь. Его подхватили, унесли. Многие, как Андрей, отдавали свои карточки семьям.

Маню тоже не оставляли мысли о еде. На заводе в качес-

даться, но слов не находилось. А женщина продолжала:

— Сходи-ка ты к директору. Попроси, чтобы тебя через Ладогу вывезли, совсем ведь ребёнок.

Мане было стыдно, но она всё-таки пошла. Не поднимая головы от стола, директор ответил жёстко: комсомольцев не вывозим. А потом пригляделся и буркнул:

— Ладно, собирайся.

Как ехали через Ладогу — отдельная история. Но вот уже другая сторона. Их встречают в столовую, уже подан поезд, на котором они отправятся дальше. И тут объявляют: на детские карточки дают, страшно сказать, шоколад! У Мани единственный документ — свидетельство о рождении. Женщина на выдаче посмотрела в лицо и дала плитку.

В Ярославле, где жила старшая сестра Ольга, поезд прибыл вечером. Когда Маня подошла к трамвайной остановке, стало совсем темно, и пришлось вернуться на вокзал. Она была в отчаянии: это была последняя бездомная ночь в двух шагах от родных.

Ольги дома не оказалось. Дверь не заперта, с порога Маня увидела племянников, сразу: девяти, шести и трёх лет. Старшая, Лидушка, много позже призналась: «Я тебя только по зубам узнала» (у всех Бучкиных от природы были красивые зубы).

Маня забралась с ногами на кровать — и тут вошла Ольга. Остановилась в дверях, в глазах негодование. Сидит на кровати мальчишка-беспризорник заросший, в шапке-ушанке

грязный. Маня только и смогла вымолвить:

— Кока!

Ольга, давась от слёз, не слова в ответ затапливая печку, сдирала с Мани всё — огонь. Моет и плачет, плачет...

Ольга Коколова работала заводом в детском саду. Муж на фронте, военная часть откуда он был призван, расплагалась в Ярославле, по возможности помогала как матери троих детей. По утрам в дверь стучался разносчик молока: «Где тут моя комолая, безрогая?»

Маня лежала в лёжку неделю. Перед уходом на работу Ольга оставляла ей еду на тарелке, а по ночам, плача, чтобы не слышали дети, шептала на ухо: «Я покойников боюсь. Если ты умрёшь, что я буду делать?»

Но через неделю Маня вдруг пошла на поправку. Ольга стараясь ходить с ней в баню — сними рёбрышки — Маня ходила мыться с детворой. Потом пошла работать — тоже в детский сад, а там и война кончилась. С работы посылали на лесозаготовки под Гаврилов-Ям. В такие же, как она, девчонки ворочала брёвна, научила вместе со всеми ругаться от бессилия и ворочала брёвна дальше. Но это уже было другое время — мирное.

А от военного осталась только одна «За оборону Ленинграда». В приложенном к ней документе сказано ещё точнее: «За участие в героической обороне Ленинграда».

Татьяна ЕГОРОВА

девочка ложилась на свой топчан под байковое одеяло как была одетая, в ботиночках.

Зато цех поразил Маню какой-то не виданный ею до сих пор красотой. Просторный, не рассмотришь конца и края, высокие, светлый. В нём стояло множество станков со склонившимися над ними людьми. Станки не замолкали, даже когда наступали сумерки. В цеху загорался электрический свет, от которого в городе давно отвыкли: наверное, у завода была своя подстанция.

Много позже, уже после войны, оформляя свои блокадные документы, Мария Сергеевна узнала, что их завод назывался на самом деле Научно-испытательным морским артиллерийским полигоном.

В цеху их было четверо девочек-подсобниц. Они оттащивали стружку от станков: поддоны такие тяжёлые, что не каждый взрослый мог сдвинуть их с места — девчонки толкали их

тве обеда привозили суп «из хряпы». Что это такое, она точно сказать не может и сегодня: вроде, какие-то листья, собранные на земле. Настоящей едой считалась каша: у девочек-подсобниц была одна привилегия — по очереди выскабливать бак. К стенкам приставало немного, но, если поелозить пальцами, можно было наскрести горсточку добавки.

Ещё одной бедой стали вши. Четверо девчонок искали их друг у друга. А что оставалось под одеждой, знали только они сами. Особенно тяжело приходилось Мане, у неё не было ничего, во что переодеться.

Обеды сначала привозили в цех, а потом всем было велено ходить в столовую. Однажды в очереди к раздаточному окошку сзади Мани оказалась женщина.

— У тебя вши по шапке ползут, — вздохнула она.

Слёзы навернулись на глаза Мани, хотелось как-то оправ-